

ОТЗЫВ

официального оппонента Лесовиченко Андрея Михайловича на диссертацию Амгалановой Марии Викторовны «Социокультурные условия и факторы репрессий в национальной бурятской культуре (начало XX века – конец 1930-х годов)», представленную на соискание учёной степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры (культурология).

Изучение процессов в культуре советской эпохи – одно из особенно важных направлений отечественной науки сегодня. Это закономерно, поскольку только сейчас образовалась достаточная временная дистанция для более или менее спокойного переосмысления событий, происходивших в нашей истории между 1917 и 1991 годами. Как соотносятся благие цели достижения всеобщего счастья, декларированные идеологами советской власти, и весьма жестокими способами достижения этого? Чего больше оставил нам СССР – достижений и успехов или руин и деформаций? Что из советского опыта надо сохранять в современной жизни, а что лучше оставить в прошлом? Такие вопросы неизбежно требуют всё более тщательного и взвешенного изучения культурного наследия во всех его составляющих.

Исследование Марии Викторовны Амгалановой посвящено весьма актуальной теме, недостаточно осмысленной в культурологическом ключе. Действительно, когда заходит речь о репрессиях, обычно подразумеваются историко-политические аспекты, хотя, все знают, что причиной расправ над многими страдальцами была их художественная, научная или религиозная деятельность, т.е. культурологическая проблематика очевидна. Все исследователи, обращающиеся к советской культуре 1920-1950-х годов так или иначе касаются проблем репрессий, однако в качестве основной задачи они возникают относительно редко. Труд Амгалановой М.В. привлекает внимание уже поэтому, но он интересен не только этим. В работе представлена картина функционирования репрессий в культуре вообще, не только в рамках советского времени. Несомненную ценность имеет систематическое изложение

фактов, связанных с событиями художественной жизни бурят в первой трети XX века, когда на базе фольклорных традиций складывается национальная культура европейского типа. Особенно значимо рассмотрение этого материала в плане отношения деятелей культуры (прежде всего, литераторов) с государственными органами и общественными организациями.

Диссертация состоит из трёх глав, разделённых на параграфы, имеющие содержательную и структурную завершенность.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования репрессий как феномена культуры» включает в себя три взаимосвязанных вопроса. В первом параграфе даётся обзор подходов к трактовке понятия «репрессия». Во втором рассматривается соотношение нормативности и репрессивности в культуре. В третьем показаны условия возникновения репрессий. Вопросы закономерные и уместные именно для начала развёртывания рассуждений по избранной теме.

Во второй и третьей главах автор сосредотачивается на различных аспектах культурной деятельности бурят. Во второй главе «Формирование национальной бурятской культуры первой трети XX века: историко-культурный анализ» тоже три параграфа. В первом выявляются противоречия, характеризуются главные тенденции становления национального самосознания. Во втором Амгаланова М.В. показывает как общие установки советской культурной политики сказываются на развитии бурятской национальной культуры в первые десятилетия существования автономной республики (1920-1930-е годы). В третьем параграфе дана панорама процессов в литературной жизни этого периода. В этой главе обеспечены возможности составить целостное представление о культурном контексте, в рамках которого осуществлялись репрессии.

Наконец, третья глава «Национальная культурная элита в условиях политических репрессий в Бурятии в начале 1920-х – конце 1930-х годов» раскрывает главные вопросы, поставленные при формулировке задачи исследования. В первом параграфе характеризуется региональная специфика

социокультурных условий и факторов репрессий. Во втором Мария Викторовна концентрирует внимание на национальной бурятской литературе как объекте репрессий, представляет данные о каждом из видных писателей, подвергшимся гонениям. В последнем параграфе приведены сведения о реабилитации деятелей бурятской культуры. В целом, эта глава содержит важные материалы о действии репрессивной машины в Бурятии.

При рассмотрении перечисленных вопросов диссертантка исходит из того, что репрессия является всеобщим признаком развития культуры в любом государстве, противопоставляя это нормативности. Такой подход позволяет выйти на важный аспект функционирования культуры – взаимодействие собственно культурно-творческого процесса и механизма государственного управления. Причём, функционирование государства берётся не только в плане специальных институтов управления культурой, но, в целом, административного аппарата, подчиняющегося идеологическим и политическим требованиям. Это весьма серьёзная задача, требующая специального анализа на теоретическом уровне, с привлечением данных по разным культурам. Отчасти, в диссертации Амгалановой есть попытка осмыслить эту проблему на общетеоретическом уровне. Хотя, поскольку главная задача её работы всё-таки – историко-культурное обобщение национального движения бурят, этот большой вопрос остаётся только намеченным. Здесь есть значительный потенциал для создания новых научных работ.

Следует заметить, что само понятие «репрессия» исследовательница трактует достаточно расширительно, рассматривая его как распространённое средство воздействия на культуру со стороны любого государства, а не только советского, предполагает не только физические расправы с деятелями, но и ограничения доступа к результатам их творчества, а то и прямого уничтожения произведений художественной культуры. Из текста диссертации можно сделать вывод, что понятие «репрессия» относится к любым способам отторжения тех или иных неприемлемых для государства явлений культуры. В принципе, имея в виду буквальное значение латинского слова *pergitio*, от которого исходит

позднелатинское *repressio*, включающее в себя не только «подавлять», но и «умерять», «сдерживать», «оттеснять», такой подход представляется вполне возможным. Другое дело, что применительно к характеристике развития культуры стоило бы разработать дифференцированную шкалу описания видов репрессий, где между нормативностью (с точки зрения государства) могут быть выделены такие подходы как «неприятие», «отторжение», «сопротивление», и, как высшая форма, «подавление». Стоит ли всё это включать в понятие репрессии или рассматривать как другие виды отношения государства к творческому процессу в культуре – отдельная культурологическая проблема. Мария Викторовна пока её не прорабатывала, ограничившись противопоставлением нормативности и репрессии. Думаю, в дальнейшем у неё будет возможность развить этот теоретический концепт. Кстати, можно было бы проследить и обратный процесс – корректировку установок в определении нормативности явлений культуры на государственном уровне со стороны сообщества творческих деятелей, особенно, писателей. В некоторой степени, в работе Амгалановой М.В. это воздействие усматривается, когда речь идёт об изменениях отношения к тем или иным жертвам репрессий в разные периоды истории Бурятии, приведших к их реабилитации. Надо понимать, что без обсуждения внутри профессионального сообщества политические решения (казнить или миловать), как правило, не осуществляются. Более того, разработка нормативных подходов – тоже результат деятельности профессионалов того же круга, лишь поставленных в условия административной работы. Здесь может быть намечена важная тема для рефлексий, продуктивная в исследовательском смысле.

Переходя к традиционному для оппонентских отзывов разделу, посвящённому замечаниям и вопросам, хочу отметить, что текст диссертации достаточно хорошо отшлифован и в структурном и в стилистическом отношении, поэтому мои соображения носят уточняющий характер, касаются вопросов, не имеющих принципиального значения.

Из разных источников, посвящённых культурной жизни в ГУЛаге известно, что за колючей проволокой процессы художественного творчества не останавливались. Из текста диссертации остаётся неясным, существовала ли какая-нибудь бурятская культурная жизнь в узилищах. Если да, сообщите об этом на защите.

Из приведённых в работе биографий бурятских писателей создаётся впечатление, что всех расстреляли. Есть ли случаи, когда литераторы и другие деятели искусства попав под жернова репрессий, выжили и продолжили творческую деятельность в последующие десятилетия?

Имели ли место доносы со стороны одних писателей на других среди бурят, подобно тому, как это встречалось в других творческих организациях в нашей стране? Если были, можно ли как-то связать эти действия с различиями в творческих установках или более вероятны бытовые мотивы?

Охарактеризуйте, хотя бы в общих чертах, состояние небурятской литературы в Бурятии 1920-1930-х годов и проявление репрессий в отношении к этой части литературного сообщества.

Хочу высказать два частных замечания. На с. 133 применяется выражение «буддийская церковь». Мне представляется, что в подобных случаях лучше пользоваться словами «община» или «сангха», поскольку «церковь» – термин сугубо христианский (трансформация греческого «кириакон» – «Дом Божий»), в контексте других религий (буддизма, в первую очередь) необъяснимый. Несмотря на то, что такое выражение используют некоторые авторы со времён воинствующего безбожия, оно вряд ли является уместным в научном обиходе.

На с. 144 написано, что в 1937 году создан симфонический ансамбль. Сообщается это в одном предложении с указанием на открытие музыкальной школы в 1920 году. Создаётся впечатление, что в Улан-Удэ только в 1937 году появился первый симфонический коллектив. На самом деле, симфонический оркестр был организован в том же 1920 году (сразу после объявления об образовании ДВР). Его руководителем был Л.Б. Клейман, тот самый, который упомянут на с. 151 в качестве первого директора музыкальной школы (что

правильно). Сохранились списки участников оркестра и сведения о репертуаре. Я сообщал об этом в ряде статей, например, в доступной в интернете работе «Некоторые аспекты музыкальной культуры Дальневосточной республики» (Музыкальное искусство и культура: наблюдения, анализ, рекомендации. – Новосибирск: Трина, 1996. – С. 71-87).

В целом, исследование Амгалановой М.В. “Социокультурные условия и факторы репрессий в национальной бурятской культуре (начало XX века - конец 30-х годов) соответствует требованиям, предъявляемым Высшей аттестационной комиссией РФ к докторским диссертациям. Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации. Автор работы заслуживает присвоения учёной степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 - теория и история культуры.

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии
(специальность: 24.00.01 – теория и история культуры),
профессор, ведущий научный сотрудник
научно-аналитического отдела
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования «Московской государственной
консерватории имени П.И. Чайковского»
24.03.2021 г.

А.М. Лесовиченко

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московская государственная консерватория им. П.А. Чайковского»
Адрес: 125009, Москва, ул. Большая Никитская, д. 13/6
Официальный сайт: Канцелярия: document@moscons.vu
Ректорат: rectorat@moscons.vu
Контактный телефон: +7 (421)-256-33-75

